

«СЛОВОМ МИЛОСТИ КАК БОЖЬЕЙ БЛАГОДАТЬЮ»: АМНИСТИЯ ДЕКАБРИСТАМ В РОССИЙСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ И ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ

По материалам газет и журналов в статье восстанавливается общественная реакция на амнистию декабристам, объявленную коронационным манифестом Александра II 26 августа 1856 г. Показано, что вопреки расхожему исследовательскому мнению о том, что амнистия вызвала бурный общественный резонанс, сделав декабристов героями общественного мнения, на самом деле ничего подобного не происходило. Сообщение об амнистии декабристам оказалось неотделимо в восприятии общества от других положений амнистии, которые, в свою очередь, составляли в общественном сознании одно целое с новостями о коронационных торжествах. Подлинный общественный интерес вызвала вышедшая в 1857 г. первым публичным изданием книга М.А. Корфа «Восшествие на престол государя императора Николая I». В статье пересматривается традиционный взгляд на причины, побудившие Александра II настоять на издании этого труда для публики.

Ключевые слова: указ о помиловании 1856 г., манифест, Александр II, коронация, декабристы, М.А. Корф.

Амнистия декабристам, как известно, была объявлена коронационным манифестом Александра II 26 августа 1856 г. Этот документ, так же как и сопровождающий его Указ Правительствующему Сенату с именами подлежащих помилованию осужденных по делу о тайных обществах 1826 г., первыми, 28 августа, опубликовали «Московские ведомости», а затем и все остальные центральные газеты, а также журналы «Отечественные записки» и «Русский вестник»¹.

В пункте XV манифеста значилось:

Подвергшимся разным за политические преступления наказаниям и донныне еще не получившим прощения, но по изъявленному ими раскаянию и безукоризненному после произнесения над ними приговора поведению заслуживающим помилования, даровать на основании особых для того поставленных правил... <...> Тем [...] которые были подвергнуты наказанию по приговору Верховного уголовного суда 13 июля 1826 г. и мнению Государственного совета 24 февраля 1829 г. и на основании постановлений Военно-Судных комиссий по прикосновенности к замыслам и действиям тайных обществ, открытых в 1825 и 1827 гг. и к бывшему в 1831 г. возмущению в Польше, а дотоле принадлежали к дворянству потомственному, даровать вместе с законными после произнесения над ними приговора рожденными детьми, все права потомственного дворянства, только без права на прежнее имущество.

В Указе Правительствующему Сенату от того же 26 августа постановлялось:

Находящимся в Сибири на поселении: Сергею Трубецкому, Евгению Оболенскому, Матвею Муравьеву-Апостолу, Ивану Горбачевскому, Александру Поджио, Владимиру Бечаснову, Ивану Пущину, Сергею Волконскому, Ивану Якушкину, Дмитрию Завалишину, Дмитрию Щепину-Ростовскому, Ивану Кирееву, Александру Фролову, Михайле Бестужеву, Владимиру Штейгейлю, Гавриле Батенькову, Петру Фаленбергу, Юлиану Люблинскому и Василию Колесникову; находящимся в Сибири на жительстве отставному губернскому секретарю Аполлону Веденяпину, Михайле Кюхльбекеру, Вениамину Соловьеву, Андрею Быстрицкому, Флегонту Башмакову, Дмитрию Таптыкову и Хрисанфу Дружинину; служащим в Сибири по гражданской части: канцелярским служителям Николаю и Александру Крюковым (при доставлении сведений о находящихся в Сибири декабристах закралась ошибка: Николай Крюков умер в 1854 г., не дожив до амнистии. – А. Г.), коллежскому регистратору Николаю Басаргину, губернскому секретарю Петру Свистунову, коллежским секретарям Ивану Анненкову и Александру Бригену – позволить возвратиться с семействами из Сибири и жить, где пожелают в пределах Империи, за исключением только С.-Петербурга и Москвы, тех же, которые в прежние времена возвращены из Сибири и живут в внутренних губерниях – освободить от всех ограничений.

Вторым пунктом этого указа непоименованным «жительствующим в других местах Империи» возвращалось дворянство, также

дворянство возвращалось и всем остальным поименованным, кроме Трубецкого, Оболенского и Волконского, так как они были осуждены по 1-му разряду. Их детям, рожденным после приговора, дворянство и прежние титулы были возвращены на четыре дня позже, специальным указом 30 августа.

Третьим пунктом указа детям возвращались фамилии их отцов (в том случае, если они находились на обучении в учебных заведениях под другими фамилиями).

Кроме манифеста и указа Сенату, был сделан еще ряд узаконенных, касавшихся отдельных вопросов, о чем также было сообщено в газетах². Таким образом, несмотря на ограничения, связанные с установлением надзора за возвращаемыми из Сибири бывшими участниками тайных обществ, амнистия декабристам, как многим другим категориям подданных Российской империи, была объявлена. Имена участников тайных обществ впервые с 1826 г. появились в открытой печати.

В историографии за несколько десятков лет прочно закрепилось мнение о том, что амнистия пробудила общественный интерес к декабристам.

Манифест в этой части явился вынужденной уступкой общественному мнению, которое требовало амнистии для тех, кто 30-летним страданием в стране изгнания искупил «кару дряхлого закона и кару пошлой клеветы» [...]

– утверждал Б.Г. Кубалов. Ему вторили историки и 1960-е и в 1990-е годы.

Амнистия декабристов была одним из тех мероприятий, проводимых правительством в период назревания революционной ситуации, посредством которых царизм рассчитывал отвлечь общественное внимание страны от коренных социальных вопросов.

(Л.А. Сокольский);

Вокруг декабристов вновь возродилась тлетьшая в глубинах общественного сознания устная легенда, представлявшая их в ореоле мученичества и героизма [...] Сам акт амнистии дал мощный и явно непредвиденный правительством импульс спонтанному оживлению интереса и к самим декабристам, и к тому делу, ради которого они пострадали.

(Е.Л. Рудницкая, А.Г. Тартаковский)³.

Несмотря на все семантические различия данных трактовок, обусловленные временем их написания (1920-е, 1960-е и

1990-е годы), в них есть одно существенное общее – утверждение о том, что амнистия декабристам имела в России широкий общественный резонанс.

В газетных и журнальных статьях торжество коронации, действительно, освещалось широко, появились специальные разделы: «Московская летопись» и «Петербургская летопись» (в «Санкт-петербургских ведомостях»), «Московская городская хроника» и «Петербургская почта» (в «Московских ведомостях»), «Письма из Москвы» (в «Русском инвалиде» и «Северной пчеле»). Конечно, при описании коронации невозможно было обойти и милости, объявленные манифестом 26 августа.

Так, в разделе «Московская летопись» «Петербургских ведомостей» (13 сентября), а также в разделе «Московская городская хроника» «Московских ведомостей» (29 сентября) сообщалось о собрании московских литераторов в знаменитой гостинице «Шевалье» 3 сентября⁴ (видимо, неслучайно именно в этой гостинице остановилась семья вернувшегося из Сибири героя Л.Н. Толстого Петра Ивановича Лабазова). Событие это представлялось важным в свете, в том числе, правительственной пропаганды, так как акцентировало внимание на участии в коронационных торжествах не только государства, но и частных лиц.

Для автора заметки в «Санкт-петербургских ведомостях» амнистия декабристам, рассуждениями о которой он заканчивает свою заметку, среди всех милостей оказывается как будто главной:

Есть ли в целой России хоть одно сословие, на которое не излились бы от этого манифеста несказанные милости? Есть ли хоть один человек в каком-нибудь сословии, на которого бы не простерся луч царской любви? <...>

Что же сказать о милости, изливаемой на государственных преступников 1825 года? – Их вина забыта. Множество семейств обнимут своих отцов и братьев, с которыми они не смели питать и надежды когда-либо обняться? И они придут в недра своих семейств уже не преступниками, влачащими на себе [...] лишенными прав гражданских, нет, бывшие потомственные дворяне возвратятся опять дворянами, графы – графами, бывшие князья – князьями. <...> Три слова и слышатся только в манифесте и указах 26-го августа: *отменить, возвратить, простить* – три великие слова.

Однако этого нельзя сказать о статье в «Московских ведомостях», описывающей это же событие. В ней полностью цитируется речь писателя Н.Ф. Павлова⁵:

За Кого в эту минуту бежит еврей из грязной корчмы в шумную синагогу молить своего Иегове; о Ком увечный солдат, бедная солдатка шлют теплые молитвы христианскому Богу, судорожно сжимая в объятиях возвращенного им сына; Кто нас и наших братий по крови, разрозненных с нами историей, соединяет в одно светлое, радостное, благодарное чувство; Кто открывает нам широкий путь к просвещению; Кто повелел растворить двери университетов, Кто снял преграды к сближению народов, к обмену разных образованностей; Кто не забыл в пустынях Сибири ни согрешивших отцов, ни безгрешных детей; Кто в просвещенной благодати вспомнил всех и все не от избытка даров милосердия, какими располагает Его могущество, а от той нежной заботливости, от того всепонимающего чувства христианской любви, которое останется на страницах истории.

Нельзя этого сказать и обо всех других упоминаниях об амнистии.

Понятно, что милости амнистии оказались важны для жителей Сибири. Это видно в заметке «Санкт-петербургских ведомостей» о праздновании коронации в Томске:

Это великое событие возбудило тем большую радость, что оно сопровождалось царскими милостями, распространенными на пределы всего нашего обширного государства. Милости эти особенно почувствовали в Сибири. Сколько пролито горячих слез от радости, сколько вознесено теплых душевных молитв к всевышнему в возблагодарение за щедроты царские к разным виновным! Надо видеть как они ликуют; но мало того, что радуются сами они; за них отрадно всем и родным и знакомым⁶.

Незнатные сословия по-своему смотрели на содержание манифеста и видели в его милостях главное для себя. В номере «Санкт-Петербургских ведомостей» от 11 октября была опубликована заметка о праздновании коронации крестьянами в селе Увек Саратовской губернии:

По выходе из церкви все окружили меня, желая слышать милости Монарха, выраженные им в высочайшем манифесте от 26 августа. Я прочитал его вслух по листках вашей газеты. О! каким умилением наполнились сердца слушателей! Как сильно обрадовало всех, что в продолжение нынешнего года и трех последующих лет не будет наборов. Сколько было из глубины души вознесено молитв к Небу о здравии и долгоденствии Их Императорских Величеств! Я видел

непритворные слезы бедных, коим прощены разные недоимки, слезы матерей, к которым возвратятся дети, не поступившие в действительную военную службу⁷.

Здесь главными милостями становятся объявление трех лет без солдатских наборов и прощение недоимок.

А в другом уголке империи, университетском Дерпте, милости, объявленные коронационным манифестом, вообще оказались не значимы и не были замечены. Для жителей Дерпта было важно, что в их городе русскими императорами был основан университет, а также – в день коронации – университетская церковь:

При Александре I, основавшем здесь университет, в науке нашел к упрочению своего благоустройства новые средства [...] Учреждение у нас верховного учебного в обширных размерах заведения [...] эта незабвенная милость, излившаяся на него с престола русских царей, конечно, стоит того, чтобы с увлечением встречать в Дерпте знаменательные дни их священного венчания [...] Особенное значение для нас имело еще 26-е число августа тем, что в этот день, день священного коронавания Их Императорских Величеств, определено было совершить закладку университетской церкви⁸.

Из Петрозаводска сообщалось, например, что «31 августа приехавший курьер привез известие о Коронации и тех милостях, которые излил великодушный монарх в этот день на своих подданных»⁹. В речи профессора В.И. Григоровича, произнесенной на торжественном собрании Казанского университета на церковно-славянском языке, также коронация связывалась с широкой амнистией:

Воссиял венец на челе Его... и это в истине дух Божий носит-ся над главой Его: ибо лучи благой души его возожгли светильник правды и закона, ибо правосудие его снимает оковы с ног стольких заключенных, ибо милосердие его отирает с глаз стольких страждущих горькие слезы, ибо истинным упованием, крепкою верою одарил, вознес людей своих¹⁰.

Журнал «Современник» отмечал кратко: «Новым доказательством благодушия Царя служит последний манифест 26 августа, заключающий и мудрую заботливость о благе народа и великодушное забвение прошедшего [...]»¹¹. «Отечественные записки» выражались более замысловато и даже поэтично, но по сути имели в виду то же самое:

Иностранцы были поражены величием этих минут [...] Но для нас, русских, все это казалось еще величественнее, еще торжественнее и великолепнее, потому что для нас эта корона украшалась сокровищами выше алмазов – милосердием и благодушием носящего ее Монарха. Блеск этих украшений [...] распространяется по всему Русскому Царству, на миллионы его обитателей, на юг, на север, на восток и запад. Блеск этот осветил города и столицы, проник в отдаленные места Сибири, весело озарил роскошные палаты вельможи и убогую избенку селянина, заглянул приветливо в печальный угол старухи-матери, грустившей об отделенном от нее сыне, и в глухое жилище ссыльного поселенца, тысячами верст разделенного от родных и близких... Этот блеск отразился на всех странах Русского Царства – на христианах и на евреях, всюду проливая радость и утешение¹².

«Русский вестник» акцентировал государственное значение милостей, объявленных в начале нового царствования:

Важнейшим для всех нас народным и государственным событием последнего времени было, конечно, венчание на царство возлюбленного государя, сопровождавшееся потоком благотворных, желанных, полных милосердия и мудрости мер, которые пролили светлую радость во все края необъятности России. Нет рода и племени, нет сословия, нет дома, нет семьи, в которых эти меры не возбудили бы или непосредственного чувства горячей признательности, или тепло-го сочувствия к радости близких сердцу вместе с невольным предощущением самых утешительных надежд¹³.

При всей разнице формулировок общим здесь было одно – милость к декабристам упоминалась в связи с другими милостями, а они, в свою очередь, были неотделимы от рассуждений о коронационных торжествах.

К тому же немногие из многочисленных публикаций о коронационных торжествах содержали рассуждения о милостях. Это видно хотя бы из торжественных од, написанных ко дню коронации и опубликованных в широкой печати. Из пяти таких од (С.П. Шевырева¹⁴, М.А. Дмитриева¹⁵, Ф.Б. Миллера¹⁶, П.А. Вяземского¹⁷ и Н.П. Вагнера¹⁸) лишь в двух последних говорилось о милостях. Ода Вяземского, посвященная императрице Марии Александровне и довольно большая по объему, отводит собственно милости всего несколько строк:

Царь словом милости как Божьей благодатью
Украсил царства первый день:

Он братьям возвратил отторженную братью,
 С семейств развеял скорби тень,
 Он почву русскую росой благодатной
 Своей щедроты освежил.
 Народу роздых дал и, по тревоге ратной,
 В мир верить села научил.
 <...>
 Прощенье! Божий луч, сияньем светозарным,
 Владык объемлющий венец!
 Тебя предаст в века скрижалям благодарным
 Народной памяти резец.

Ода Вагнера гораздо ближе к обсуждению именно декабристского помилования, хотя по сути говорит обо всех сибирских узниках, которым была дарована амнистия:

В страну снегов и запустенья,
 В страну изгнания и скорбей
 Достигло слово всепрощенья,
 Звучит залогом избавленья
 От мук, страданий и цепей.
 И всюду клик благодаренья,
 Все блещет, движется, живет...

Специфического общественного интереса именно к помилованию декабристов не было. Более того – известия обо всех остальных милостях тоже «утонули» в общественном обсуждении коронационных торжеств в целом.

Сама же власть при подготовке коронации была более озабочена не всплеском интереса к помилованным политическим преступникам (которого, по сути, и не случилось), а напротив – возможным порицанием общественным мнением такой широкой амнистии. Об этом можно судить по речи декана юридического факультета Московского университета С.И. Барцева «О праве помилования», произнесенной на торжественном собрании университета 31 августа 1856 г. Извлечение из нее было опубликовано в литературном отделе «Московских ведомостей»¹⁹. Полностью она была напечатана в составе отдельной брошюры «Речи, стихи и исследования написанные по случаю торжества священного миропомзания и венчания на царство государя императора Александра Второго [...] ординарными профессорами Императорского Московского университета для торжественного собрания 31 августа 1856 г.». Определение совета Московского университета, допус-

тившее эту брошюру к печати, состоялось 14 августа 1856 г., т. е. почти за две недели до коронации²⁰. Учитывая же понятную секретность подготовки амнистии, можно с большой долей вероятности утверждать, что эта речь представляла собой некий «заказ сверху». Текст представляет собой, с одной стороны, апологию амнистии, которую автор называется «обычаем», с другой – панегирик ей. Вообще статья Барщева весьма интересна с точки зрения терминологического сопоставления как с газетными публикациями периода следствия по делу декабристов, так и с документами, связанными с подготовкой амнистии. Но это тема отдельного исследования.

Единственная обстоятельная реакция на милости манифеста, в том числе милости к декабристам, без рассуждения о коронационных торжествах сошла со станка «Вольной русской типографии», но была несколько запоздалой. В третьей книжке «Полярной звезды» (1857) был опубликован разбор манифеста 26 августа, принадлежащий перу Н.П. Огарева. Амнистия квалифицировалась как «полупрощение» и «почти-прощение»:

Эх! не хватило великодушия дать амнистию просто, без оговорок, а прощаются они с разными уловками на счет раскаяния, поведения, да еще на основании особых правил, которые не обнародованы, да и едва ли существуют²¹.

Герцен также негодовал в предисловии к третьей книжке «Голосов из России»:

Амнистия, бедная, жалкая... Александр II боится! Даже и тем, которые возвращены из Сибири после тридцатилетних страданий, постарались отравить окончание ссылки, не позволяя им ездить в Москву и Петербург²².

Впрочем, реакция «изгнанников наших», как они именовались в отчетах III Отделения, была предсказуема²³ и собственно не являлась общественным мнением России. Критиковали половинчатость амнистии и сами декабристы, протестуя по поводу оставления их под надзором²⁴.

* * *

В августе 1857 г. вышло третье (и первое для публики) издание книги М.А. Корфа «Восшествие на престол императора Николая 1». «Заговор молчания» по поводу событий 14 декабря 1825 г. был снят, «семейная тайна» была объявлена «в общее сведение».

Император для свое согласие на обнародование книги в апреле 1857 г. До того он дважды отказывался это сделать.

Появление труда Корфа связывается исследователями с желанием Александра II утвердить официальную версию событий 14 декабря на фоне общественной реакции на возвращение декабристов из Сибири. Однако пробуждение общественного мнения в связи с амнистией не подтверждается фактами. Е.И. Якушкин писал в марте 1857 г. И.И. Пущину по поводу ограничительных мер, связанных с запрещением проживать в столицах, применяемых к декабристам III Отделением:

Как наказание, эти меры не имеют смысла после 30-летней ссылки в Сибири, как предосторожность они также непостижимы. Неужели два 63-летних старика [...] могут взволновать город [...] Эта мера скорее может повредить правительству, чем невнимание к возвращенным. Вас ставят на пьедестал, вам придают такое значение, которое, по правде сказать, вы иначе бы не имели. Разумеется, в городе говорят об этил строгостях, и вы можете сами понять, за кого общественное мнение²⁵.

Цитата эта иногда используется исследователями для утверждения популярности амнистированных декабристов в общественном мнении²⁶. И фраза «вас ставят на пьедестал» как будто об этом и говорит. На самом деле, смысл здесь, конечно, другой. Во-первых, ставят на пьедестал именно полицейские меры, которые и придают «такое значение» всем вернувшимся амнистированным. Во-вторых, Е.И. Якушкин весьма своеобразно должен был трактовать «общественное мнение». Он входил в довольно узкий круг людей, собиравшихся в московских домах Волконских и Бибиковых²⁷. Круг этот никак не отражает пресловутого «общественного мнения».

О том, что вернувшиеся декабристы «исключая близких и родных нигде не бывают», доносил 23 февраля 1857 г. начальник второго отделения корпуса жандармов (в Москве) С.В. Перфильев жандармскому начальнику В.А. Долгорукову. 12 марта генерал-губернатор Москвы А.А. Закревский сообщал Долгорукову о том же самом. О Трубецком и Волконском Закревский доносил также, что «оба находились в домашнем кругу и появлялись в обществе только случайно». Кроме того, сообщалось о «самом благонамеренном образе мыслей» «всех означенных лиц»²⁸. Да и сами декабристы вряд ли хотели быть центром всеобщего внимания. Старые и измученные, они просто хотели дожить свой век среди близких. Трубецкой, например, бывая в Москве наездами, отказывался от

новых знакомств и заявлял, что не желает «быть предметом чьего бы то ни было любопытства»²⁹.

Об отсутствии каких-либо политических возмущений внутри империи сообщалось Александру II в отчете III Отделения за 1856 г., рассмотренном им 29 января 1857 г.:

Внутри империи политическое спокойствие не было ничем нарушаемо. В течение всего года нигде, даже в Западном крае не открыто ни одного тайного общества, ни одного замысла или преступления, в котором участвовали бы многие³⁰.

Но вернемся к Корфу. Что же заставило Александра II, дважды отказывавшего, несмотря на настойчивые предложения Корфа, обнародовать книгу, изменить свое решение, если это не общественное мнение? Ответ, как кажется, лежит на поверхности: его отсутствие. Как уже было справедливо отмечено исследователями, для того чтобы начать реформы, Александру II было необходимо понять прошлое, отношение к этому прошлому общества, что было невозможно без обсуждения событий, связанных с восстанием декабристов, которые, по выражению газет декабря 1825 г.³¹, стали «эпохой в истории России»³². Вначале Александр предполагал сделать труд Корфа частью большого, порученного ему же для написания труда об эпохе Николая I³³. Но как только новый император из донесений своих сановников понял, что никакой значительной реакции общества на амнистию не последовало, он решился на обнародование «семейной тайны», не дожидаясь окончания объемной порученной Корфу работы.

Было и еще одно обстоятельство, которое, видимо, подтолкнуло Александра к изданию. В отчете III Отделения за 1856 г. говорилось также, что «изгнанники наши» во главе с Герценом хотя «оказывали мало деятельности», однако печатали статьи в иностранных журналах и газетах, «в отдельно напечатанных брошюрах и воззваниях». Сообщалось, что Герцен выпустил две книжки «Полярной звезды» и брошюры «Вперед, вперед» и «Голоса из России». Отчет также информировал императора о том, что их пытались переправить в Россию. Впрочем, о том, что издания Герцена проникают в Россию, было хорошо известно. В отчете подробно сообщалось о распространении брошюр по Европе³⁴. И хотя первые книжки «Полярной звезды» и «Голосов из России» не содержали никаких конкретных материалов о декабристов (разбор манифеста, как уже было сказано, несколько запоздал и вышел лишь в третьей книжке Полярной звезды в 1857 г.), император, видимо, решил нанести упреждающий удар. Недаром фраза, которую он сказал Корфу,

поручая издать книгу, звучала как будто отголоском донесения III Отделения: «...мне известны нелестные и превратные толки, ходящие об этом происшествии не только в Европе, но и в самой России»³⁵. Из этой фразы следует, в частности, то, что источник беспокойства именно Европа, а не Россия. На фоне же в целом спокойного общественного мнения внутри страны император решил рассказать публике то, что давно его мучило. «Такое умолчание было бы даже и противно моей совести», – заявил он Корфу³⁶.

Книга Корфа имела шумный успех. Как сама она, так и реакция на нее Герцена вызвали огромный общественный резонанс³⁷. И это можно назвать первым всполохом интереса к декабристам. Однако он имел некий «привкус» сенсации, за которой всегда гонится публика. Да и сама книга касалась не декабристов в целом, не их идеологии или биографий, а одного исторического дня.

Действительно, люди 1860-х годов – это люди другой эпохи, для которых декабристы – явление весьма далекое как в хронологическом, так и в идеологическом смысле. Например, у Н.А. Добролюбова, написавшего, кстати, вполне благожелательную рецензию на книгу Корфа, коронационные торжества два года спустя ассоциировались вовсе не с амнистией декабристам и даже не с милостями манифеста в целом, а с тем, что в этот день «от плошек (при иллюминации. – А. Г.) невыносимо несло маслищем»³⁸, а случайно попавшую в его руки библиографическую редкость – «Донесение следственной комиссии» – он легкомысленно потерял³⁹.

Подлинный же интерес к декабристам, появившийся почти 15 лет спустя, был уже по-настоящему историческим. С начала 1870-х годов начинают выходить исследования по истории декабризма, в журналах печатаются мемуары декабристов и статьи о них.

Пробуждение общественного интереса стали приписывать второй половине 1850-х годов ретроспективно. В этом отношении показательна известная уже в литературоведении неясность с датой начала работы Л.Н. Толстого над романом «Декабристы». В наброске предисловия к роману «Война и мир» автор сообщал, что «в 1856 году я начал писать повесть с известным направлением, героем которой должен был быть декабрист, возвращающийся с семейством в Россию». Между тем из письма его Герцену от марта 1861 г. следует, что роман начал писаться в ноябре 1860 г.⁴⁰ Вероятно, в 1856 г., когда писатель увидел имена амнистируемых декабристов в газетах, первый мимолетный замысел если и возник, то тут же был оставлен. Не продолжил Толстой написание романа и после обращения к Герцену. Тогда он перешел к написанию «Войны и мира», а к «Декабристам» вернулся лишь в конце 1870-х годов.

«Tout cela de l'histoire»*, – по свидетельству Корфа, сказал ему император Александр, поручая печатать книгу. Декабристы стали объектом общественного внимания лишь тогда, когда стали принадлежать истории.

Примечания

- ¹ Манифест о всемилостивейшем даровании народу милостей и облегчений по случаю коронавания Его Императорского Величества: Указ Правительствующему Сенату // Московские ведомости (далее – МВ). 1856. № 103. 28 авг. С. 899–903; № 104. 30 авг., четверг. С. 909–910; Московские губернские ведомости. 1856. № 70. 1 сент. Отд. первый. Часть офиц. С. 351–366; Санкт-петербургские ведомости (далее – СПбВ). 1856. № 191. 30 авг., четверг. С. 1047–1051; Санкт-петербургские губернские ведомости. 1856. № 36. Отд. второй. Часть офиц. С. 71–80; № 37. Отд. второй. Часть офиц. С. 81–83; Северная пчела (далее – СП). 1856. № 191. 29 авг., среда. С. 965–968; Русский инвалид или Военные ведомости (далее – РИ). 1856. № 196. 29 авг., среда. С. 811–815; Отечественные записки (далее – ОЗ). 1856. Т. 108. Кн. 9. Отд. IV. С. 1–19; Русский вестник (далее – РВ). 1856. Т. 5. № 17 (сентябрь. Кн. 1). С. 50–70.
- ² О даровании дворянства детям А.Н. Сутгофа (МВ. 2 сент., вторник. № 118. С. 1038); о даровании помилования В.Ф. Раевскому (СПБВ. 22 сент. № 208. С. 1150); о возвращении прежних фамилий детям А.Е. Розена (МВ. № 122. 11 окт., четверг. С. 1072).
- ³ *Кубалов Б.Г.* Декабристы и амнистия // *Сибирские огни.* 1924. № 5. С. 148; *Сокольский Л.А.* Возвращение декабристов из сибирской ссылки // *Декабристы в Москве.* М.: Моск. рабочий, 1962. С. 223; *Рудницкая Е.Л., Тартаковский А.Г.* Вольная русская печать и книга барона Корфа // 14 декабря и его истолкователи. М.: Наука, 1994. С. 23.
- ⁴ *Дельта [Надеждин М.Е.]* Московская летопись // СПбВ. 1856. № 201. 13 сент., четверг. С. 1109; Московская городская хроника // МВ. 29 сент., суббота. Лит. отд. к № 117. С. 499.
- ⁵ Полностью речь Н.Ф. Павлова также была опубликована в разделе «Современная летопись» журнала «Русский вестник» среди прочих материалов о коронационных торжествах: РВ. 1856. Т. 5. № 18 (сентябрь. Кн. 2). Отд. VII. С. 166–167.
- ⁶ Внутренняя корреспонденция Санкт-петербургских ведомостей. Томск // СПбВ. 1856. № 229. 19 окт., пятница. С. 1277.
- ⁷ Внутренняя корреспонденция Санкт-петербургских ведомостей. Село Увек // СПбВ. 1856. № 222. 11 окт., четверг. С. 1234.
- ⁸ Внутренняя корреспонденция Санкт-петербургских ведомостей. Дерпт // СПбВ. 1856. № 235. 27 окт., суббота. С. 1315–1316.
- ⁹ Внутренняя корреспонденция Санкт-петербургских ведомостей. Петрозаводск // СПбВ. 1856. № 224. 14 окт., воскресенье. С. 957.

* Все это из истории (*фр.*)

- ¹⁰ Внутренняя корреспонденция Санкт-петербургских ведомостей. Казань // СПбВ. 1856. № 233. 20 окт., суббота. С. 1298.
- ¹¹ *Москвич* [Сниткин А.П.-?]. Письмо из Москвы // Современник. 1856. Т. 59. № 9. Отд. V. С. 109.
- ¹² Новости отечественные // ОЗ. 1856. Т. 108. Кн. 10. Отд. VI. С. 211–212.
- ¹³ Политическое обозрение // РВ. 1856. Т. 5. № 17 (сентябрь. Кн. 1). С. 50.
- ¹⁴ *Шевырев С.П.* 26 августа 1856 года в Кремле: Государю императору Александру II, самодержцу всероссийскому в день священного миропомазания и венчания на царство его императорского величества // МВ. 1856. № 105. 1 сент., суббота. С. 922; см. также: Речи, стихи и исследования, написанные по случаю торжества священного миропомазания и венчания на царство государя императора Александра Второго, самодержца Всероссийского и августейшей его супруги государыни императрицы Марии Александровны, ординарными профессорами Московского университета для торжественного собрания 31-го августа 1856 года. М.: Унив. тип., 1856. Паг. 3. С. 1–8; Известия Императорской Академии Наук по Отделению русского языка и словесности (далее – ИРЯС). 1856. Т. V. Вып. 5. Стб. 55–58. (под назв.: Ода на священное коронование и венчание на царство государя императора Александра Второго).
- ¹⁵ *Дмитриев М.А.* Ода на священное коронование и миропомазание его императорского величества государя императора Александра Второго // МВ. Лит. отд. к № 105. С.433; РВ. 1856. Прилож. к № 16 (август. Кн. 2). VI с.; также опубликовано: ИРЯС. 1856. Т. V. Вып. 5. Стб. 51–55.
- ¹⁶ *Миллер Ф.Б.* На торжественное коронование его императорского величества Александра II, самодержца всероссийского // РИ. 1856. № 191. 1 сент., суббота. С. 817; Москвитянин. 1856. Т. II. № 8. С. 463–465.
- ¹⁷ *Вяземский П.А.* Москва. Август 1856 г.: Ее императорскому величеству государыне императрице Марии Александровне // МВ. Лит. отд. к № 127. 23 окт., вторник. С. 531–532; также опубликовано: ИРЯС. 1856. Т. V. Вып. 7. Стб. 65–70.
- ¹⁸ *Вагнер Н.П.* Свершилось! Вновь блеснит Корона! // СПбВ. 1856. № 233. 28 окт., четверг. С. 1298; МВ. 1856. № 130. 30 окт., вторник. С. 1144.
- ¹⁹ *Барцев С.И.* О праве помилования: Извлечение из речи, произнесенной профессором Барцевым в торжественном собрании Императорского Московского университета 31-го августа 1856 года // МВ. 4 окт., суббота. Лит. отд. к № 119. С. 505–506. Полностью опубликовано: *Барцев С.И.* О праве помилования: Речь, написанная для произнесения на торжественном собрании Императорского Московского университета по случаю священного коронования и миропомазания их императорских величеств // Речи, стихи и исследования... Паг. 6. С. 1–12.
- ²⁰ Речи, стихи и исследования, написанные по случаю... [Оборот тит. листа].
- ²¹ *Огарев Н.П.* Разбор манифеста 26 августа 1856 года // Полярная звезда. 1857. Кн. III. С. 15.
- ²² *Герцен А.И.* От издателя // Голоса из России. 1857. Кн. III. С. V.
- ²³ Герцен и Огарев смотрели на манифест с публицистической точки зрения, «замешанной» на культе декабристов. В то время как составители манифеста – с точки зрения юридической. В манифесте и других документах при его подготовке, как некогда в приговоре Верховного уголовного суда, бывшие осужденные, а теперь амнистируемые по делу о тайных обществах делились на категории (находящиеся

в Сибири на поселении, находящиеся в Сибири на жительство, служащие в Сибири по гражданскому ведомству и проживающие во внутренних губерниях России). И каждой категории полагалась своя степень помилования, что и получило отражение в специально составленном «Списке лицам, обвиненным в политических преступлениях, которым в день коронавания государя императора высочайше дарованы милости» (Список лицам, обвиненным в политических преступлениях и проступках, которым в день коронации государя императора высочайшие дарованы милости // ГАРФ. Ф. 109. Оп. 31. Д. 133. Ч. 8. Л. 16–57, списки декабристов на л. 16–19 об.)

- ²⁴ См. об этом: *Кодан С.В.* Амнистия декабристам // *Вопр. истории.* 1982. № 4. С. 180–182; *Кубалов Б.Г.* Указ соч. С. 152–154.
- ²⁵ *Якушкин И.Д.* Записки, статьи, письма декабриста. М.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 449.
- ²⁶ *Рудницкая Е.Л., Тартаковский А.Г.* Указ. соч. С. 24.
- ²⁷ *Сокольский Л.А.* Указ. соч. С. 235–236.
- ²⁸ *Сиверс А.А.* К истории декабристов после амнистии // *Дела и дни.* 1920. Кн. 1. С. 411–412.
- ²⁹ *Семевский В.И.* Трубецкой Сергей Петрович // *Энциклопед. слов. Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона:* В 86 т. СПб.: Тип. Брокгауза и Эфрона, 1901. Т. XXXIII А (66). С. 924.
- ³⁰ Отчет III-го отделения Собственной его императорского величества канцелярии и корпуса жандармов за 1856 год // ГАРФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 21. Л. 7 об.
- ³¹ *Андреева Т.В., Жуковская Т.Н.* Записки очевидцев 14 декабря 1825 года: Из архива М. А. Корфа // 14 декабря 1825 года: Источники. Исследования. Историография. Библиография. СПб.: Нестор-История, 2000. С. 10.
- ³² Внутренние известия [Заметка о 14 декабря 1825 г.] // СПбВ. 1825. 15 дек., вторник. № 100 (прибавление); МВ. 1825. 23 дек., среда. № 102. С. 3577–3578; РИ. 1825. 19 дек., суббота. № 300. С. 1206–1208; СП. 1825. 19 дек., суббота. № 152. С. [1–2]; *Journal de St. Petersburg.* 1825. 15/27 дек., четверг. № 151. P. 635–636.
- ³³ *Рудницкая Е.Л., Тартаковский А.Г.* Указ. соч. С. 21; *Невелев Г.А.* Декабристы и декабристоведа. СПб.: Технологос, 2003. С. 124.
- ³⁴ Отчет III-го отделения Собственной его императорского величества канцелярии и корпуса жандармов за 1856 год. Л. 2–4 об.
- ³⁵ Цит по: *Рудницкая Е.Л., Тартаковский А.Г.* Указ. соч. С. 22.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ См. об этом: *Сыроечковский Б.Е.* Из записной книжки архивиста: Корф в полемике с Герценом // *Красный архив.* 1925. Т. 3(10). С. 308–310; *Рудницкая Е.Л., Тартаковский А.Г.* Указ. соч. С. 22–25; *Андреева Т.В., Жуковская Т.Н.* Указ. соч. С. 13–18; *Невелев Г.А.* Указ. соч. С. 114–125.
- ³⁸ *Добролюбов Н.А.* Письмо И.И. Бордюгову, 28 августа 1858 г. // *Добролюбов Н.А.* Собр. соч.: В 9 т. М.; Л.: Худож. лит., 1964. Т. 9. С. 320–321.
- ³⁹ *Добролюбов Н.А.* Письмо А.П. Златовратскому, 23 июня 1857 г. // Там же. С. 275–276.
- ⁴⁰ *Толстой Л.Н.* Вступления, предисловия и варианты начал «Войны и мира» // *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. М.: Гос. изд. худож. лит., 1949. Т. 13. С. 54; *Толстой Л.Н.* Письмо А.И. Герцену, 14/26 марта 1861 г. Брюссель // Там же. Т. 60. С. 374.